

Политическіе замыслы Витовта.

(Прохаска: Ostatnie lata Witołda, Warszawa 1882.).

~~~~~

Величайшій изъ государей Литвы Витовтъ, не смотря на то, что Польша была обязана ему весьма многимъ, никогда не пользовался полными симпатіями Поляковъ, и, какъ извѣстно, при концѣ его жизни въ Польшѣ составила партія открыто враждебная ему и заподозрившая его въ сепаративныхъ замыслахъ. Подозрѣнія эти призналъ справедливыми и величайшій польскій историкъ Длугошъ и занесъ ихъ въ свою исторію. Вслѣдъ за тѣмъ многіе польскіе историки обвиняли Витовта въ ненасытномъ самолюбіи и чрезмѣрной жадѣ власти. Этотъ взглядъ раздѣляетъ отчасти и одинъ изъ авторитетныхъ современныхъ польскихъ историковъ г. Смолька, который думаетъ, что даже въ минуту Брунвальдской битвы Витовтъ не былъ искрененъ въ отношеніи къ Польшѣ.

Въ послѣднее время въ польской исторической литературѣ явилась попытка измѣнить отношеніе польскаго народа къ Витовту, хотъ только разположить къ нему и защитить память Витовта отъ укора весьма тяжелаго съ точки зрѣнія уважаго польскаго патріотизма. Попытка эта принадлежитъ г. Прохаскѣ, который можетъ быть признанъ въ настоящее время однимъ изъ лучшихъ знатоковъ исторіи Витовта. Прохаскѣ принадлежитъ монументальное изданіе дипломатической переписки Витовта съ Западомъ и цѣлый рядъ изслѣдованій о Витовтѣ о взаимныхъ отношеніяхъ Польши и Литвы при немъ, а также о отношеніяхъ ихъ съ гусситами. Въ виду того не можетъ быть пройдена безъ сожалѣній его послѣдняя монографія о Витовтѣ, въ которой онъ въ особенности старается обосновать свое мнѣніе, что Витовтъ былъ сердечнымъ приверженцемъ Городельской уніи, добросовѣстно исполнявшимъ условіе

этого договора, пока это сердечное единение Витовта съ Польшей было разстроено дипломатической интригой со стороны крестоносцев. Монографія эта озаглавлена: „Ostatnie lata Witolda, Warszawa 1888“.

Г. Прохаска не считаетъ объективнымъ традиціонный взглядъ стремленія Витовта. По мнѣнію г. Прохаски, богатырь Литвы, „содатель христіанской Литвы“ (sic) явился горячимъ поборникомъ союза съ Польшею, въ которомъ видѣлъ ручательство цивилизаціоннаго развитія Литвы. Онъ „понималъ Литву, какъ европейское государство только въ союзѣ съ Польшей, и отъ него не укрылось, что въ день его смерти, въ случаѣ отдѣленія Литвы, она распалась бы на значительное количество атомовъ, изъ коихъ слагалась, и которымъ онъ сообщалъ распорядокъ, а Польша жизнь“ (стр. 161. sic! какъ будто до уніи Литва распадалась и не держалась въ одномъ организмѣ). Витовтъ былъ приверженъ къ Польшѣ и ея королю, въ ихъ счастье усматривалъ свое собственное, и судьбы Польши сильно занимали его. Въ отдѣленіи отъ нея Витовтъ не видѣлъ счастья для Литвы (стр. 25) напротивъ онъ усматривалъ въ расторженіи единенія гибель (стр. 27). Посмотримъ же, какъ г. Прохаска обосновываетъ свое собственное мнѣніе.

Г. Прохаска признаетъ невѣроятнымъ, чтобы старецъ, стоявшій уже на краю могилы, замыслилъ измѣну въ то время какъ онъ отдался преимущественно справедливостию. Г. Прохаска считаетъ невозможнымъ продолжительное притворство до того времени со стороны монарха, который стоялъ выше всѣхъ другихъ современныхъ ему монарховъ и по своимъ нравственнымъ качествамъ, не только по талантамъ правителя. Но въ характерѣ Витовта былъ крупный недостатокъ — чрезвычайное самолюбіе, — и имъ-то и задумали воспользоваться для своихъ цѣлей римскій король и нѣмецкій орденъ, въ чемъ и успѣли разсорить Витовта съ Ягайломъ и Польшей, когда поднялся вопросъ о возведеніи Витовта въ короли. Не считая Витовта непогрѣшимымъ можно спросить столь почитающаго его историка, не могло ли самолюбіе Витовта увлекать его и раньше въ сторону, противоположную интересамъ Польши? Удайся Витовту походъ 1399 г., предпринять вопреки волѣ Ядвиги, кто знаетъ, соблюдалъ ли бы Витовтъ такую вѣрность Польшѣ, какою поляки одобряютъ, до двадцатыхъ годов XV-го вѣка? Если истинные замыслы Витовта не выступали ясно до того времени, то — потому, что было еще не своевременно ихъ обнаруживать, да и не было особеннаго повода.

По мнѣнію г. Прохаски, разладъ Витовта съ Ягайломъ увеличился постепенно со времени войны 1422 г. (болѣе ранняя попытка устранить ихъ согласіе не удалась), причѣмъ крестоносцы воспользовались раздражительнымъ самолюбіемъ, составлявшимъ слабую сторону витовтова характера. Но едвали есть основаніе считать особенно зашеваренными отношенія Витовта и поляковъ и до 1422 г. Витовтъ не могъ изначала не любить горячо своей родины, и самолюбіе его и литовскій патриотизмъ должны были издавна побуждать Витовта къ обезпеченію для Литвы возможной самостоятельности. Самъ г. Прохаска предполагаетъ въ Витовтѣ „ambitne plany względem Litwy“ (стр. 7). Витовтъ стремился, по словамъ г. Прохаски, къ достиженію высшихъ степеней самолюбія, которыя направлялись ко славѣ и чести Литвы и которыми могъ быть вполне удовлетворенъ „genialny umysł“ *); „слава родной Литвы была цѣлью его жизни“ (стр. 166).

При подобныхъ стремленіяхъ Витовта неужели онъ подумалъ о свободѣ Литвы только съ момента раздора изъ-за короны, какъ готовъ представить г. Прохаска (стр. 198)? Неужели онъ подумалъ о сохраненіи за Литвой самостоятельности только тогда, когда имъ сталъ играть магистръ, котораго самъ г. Прохаска готовъ признать въ одномъ мѣстѣ (стр. 344) мѣднымъ лбомъ?

Если вникнемъ въ договоры объ уніи и въ послѣдовательность обязательствъ со стороны Витовта, а также его политики, то замѣтимъ, что Витовтъ шелъ постепенно къ большому и большому освобожденію Литвы изъ подъ вліянія Ягайла и польской короны, отвоевывалъ для нея все больше и больше правъ; не порывая окончательно союза съ польскою короной, который представлялъ нѣкоторыя крупныя выгоды Витовтъ исполнялъ въ точности условія Городельскаго договора. Такъ, на примѣръ, при немъ не бывало непремѣнныхъ по договору общихъ сѣздовъ литвиновъ съ поляками въ Люблинѣ и Парчовѣ. Витовтъ не выставлялъ себя покорнымъ слугою Ягайла, и въ политикѣ великаго князя литовскаго не явствовало верховное вліяніе Ягайла.

Если до войны 1422 г. у Витовта не было открытаго разлада

*) „Duch jego..... wolny był zupełnie od wszelkiej tamy, mając najszersze pole do osiągnięcia największych pragnień ambicyi, która była sława i chwala Litwy, a która w pełnej mierze miał osiągnąć“. Стр. 7.

съ королемъ, то потому, что тотъ послѣ смерти Ядвиги подчинился вліянію Витовта, и Витовтъ не боялся за будущность Литвы, какъ самостоятельнаго государства въ союзѣ съ Польшею. Но какъ скоро въ Витовтѣ явилось подобное опасеніе, то онъ принялся за дѣло съ горячностью, которой оно требовало *).

Соглашаясь на Городельскій договоръ, Витовтъ не имѣлъ въ виду *отъчужденнаго* соединенія Литвы съ Польшею, не отождествлялъ вполне интересовъ Литвы съ польскими и не намѣренъ былъ жертвовать первыми въ пользу послѣднихъ. То доказываетъ исторія вопроса о коронаціи Витовта и, мнѣ кажется, съ этой стороны и заслуживаетъ она особаго вниманія. Нельзя думать, что первенствующее значеніе въ этомъ вопросѣ принадлежало интригѣ; она явилась только поводомъ.

Г. Прохаска думаетъ, что въ стремленіи къ коронѣ Витовтъ, несмотря на его „неизмѣримую осторожность“ (стр. 15), помимо воли и вѣдѣнія своего, былъ орудіемъ венгерскаго и римскаго короля Сигизмунда, и хитраго магистра Павла Руссдорфа, продолжавшаго политику одного изъ своихъ предшественниковъ—Юнгингена. Стоявшіе во главѣ польскихъ враговъ Витовта Шафранцы были безсознательнымъ орудіемъ той же интриги. Г. Прохаска попытался возсоздать „весь психическій процессъ“, какимъ выработался замыселъ магистра, процессъ, котораго тотъ „не повѣрялъ ни бумагѣ, ни пергаменту, котораго не смѣлъ высказать, но который однако былъ переданъ исторіи бумагой и пергаментомъ“ (стр. 17). Великій магистръ открылъ Ахиллову пяту великаго князя и съ той поры постоянно умѣлъ „раздражать его самолюбіе до такой степени, что всегда осмотрительный князь потерялъ прозорливость, всегда осторожный потерялъ равновѣсіе, холодный и расчетливый впалъ въ забывчивость“ (стр. 61). Витовтъ

---

*) Что Витовтъ стоялъ на такой точкѣ зрѣнія въ вопросѣ о коронѣ, и что у него была тогда подобная забота, допускаетъ, повидимому самъ г. Прохаска, говоря: „Przez koronę Litwa była by porównana z resztą królewstw, a on zamykając ponieki na wieczny spoczynek, nie potrzebował by się obawiać o jej losy przyszłe“... (стр. 145). „Książę znał już wady tego traktatu międzynarodowego, który może wbrew myśli jego twórców czynił w zasadzie z Litwy prowincyą Polski zapewniając jej niezawisłość póki stanie życia jej księciu. Może też i myślał, że korona zdołała by wadę tę naprawić“ (стр. 146).

сталъ колесомъ интриги, и если рыдванъ не упалъ въ пропасть, то благодаря силѣ ума князя. Возсозданіе подобныхъ психическихъ процессовъ—дѣло весьма трудное и рѣдко удающееся. Въ данномъ случаѣ, несмотря на живость изложенія г. Прохаски и превосходное знакомство его съ фактическимъ матеріаломъ, читатель остается не вполне убѣжденнымъ, въ особенности въ виду фактовъ и признаній, проскальзывающихъ въ книгу самого г. Прохаски.

На болѣе широкую точку зрѣнія становится г. Прохаска въ тѣхъ мѣстахъ своей книги, гдѣ признаетъ, что корень всего столкновенія заключался въ неясности Городельскаго договора (стр. 7). И дѣйствительно, тотъ взрывъ, который проявился, когда зашла рѣчь о коронаціи Витовта долженъ былъ рано или поздно произойти, даже еслибы не былъ поднятъ вопросъ о коронѣ. Что онъ обнаружился бы, доказываетъ избраніе Свидригайла, которое нельзя считать лишь послѣдствіемъ раздраженія политическихъ страстей.

Случилось обстоятельство, выказавшее истинные замыслы поляковъ, какіе они преслѣдовали, заботясь объ уніи, и разрывъ долженъ былъ состояться. Магистру и Сигизмунду принадлежала только ясная постановка вопроса, который долженъ былъ возникнуть неминуемо. Они сьумѣли, съ выгодой для себя, устроить дѣло такъ, что унія порвалась еще при жизни ея творцовъ, но клонилась она къ разрушенію не въ силу только личнаго взаимнаго неудовольствія Витовта и Ягайла, а въ силу того, что поляки хотѣли нарушить самыя дорогія права литовско-русскаго государства. Въ Витовтѣ было оскорблено не личное только самолюбіе его, какъ представляетъ г. Прохаска, но честь и государя, и горячаго патріота. Поляки нарушали постановленное въ условіяхъ договора объ уніи равенство Литвы, стремясь къ постоянной опеке надъ нею, и Витовтъ не даромъ выдвигалъ постоянно на видъ во время спора желаніе поляковъ унизить его, литовскихъ пановъ и литовскую землю.

Г. Прохаска полагаетъ, что Витовтъ, питая сепаративные замыслы, сталъ бы во главѣ озлобленныхъ литвиновъ и сепаратистовъ, которыхъ было довольно въ Литвѣ, и принялъ бы корону отъ Сигизмунда. Это вполне согласовалось бы съ его энергіей (стр. 161). Но въ томъ-то и дѣло, что Витовтъ не хотѣлъ полнаго и открытаго разрыва, и все-таки стремленія его не были отрѣшены отъ сепаратизма въ извѣстной степени. Самъ г. Прохаска въ одномъ мѣстѣ своей книги (стр. 277—

278) признаетъ, что Витовтъ жаждалъ короны, какъ символа, который охранялъ бы его созданіе отъ гибели среди всевозможныхъ бурь и который напоминалъ бы, что Литва имѣетъ свою корону, а громадныя земли и ряды народовъ и владѣнницъ, составляющихъ ее, имѣютъ своихъ начальниковъ и столицу. Символь этотъ имѣлъ сдѣлать Вильно центромъ литовскаго государства, который какъ въ горниль претворилъ бы великую мысль и скристаллизовалъ бы его полувѣковую работу, сообщивъ ей форму какая была обезпечена ей Городельской уніей, — отдѣльную, какъ хотѣли поляки на основаніи договоровъ съ Ягайломъ, когда тотъ былъ еще великимъ княземъ литовскимъ. Во всемъ этомъ г. Прохаска одобряетъ великій помыслъ, политическую разсудительность Витовта и его „zasnę charakter“. „Мысль эта не была столь пуста и не политична, какъ представляетъ ее Длугошъ, она не была такъ опасна для Польши и взлелѣяна въ сепаративномъ духѣ, какъ ее представляли Шафранцы“. Если, соглашаясь съ этимъ, прибавимъ однако, что не видно, чтобы Витовтъ думалъ о постоянномъ соединеніи Литвы съ Польшею и о пожертвованіи самостоятельностью первой, то должны будемъ признать, что, уклоняясь отъ замысловъ Ягайла и поляковъ, Витовтъ питалъ въ извѣстной мѣрѣ сепаративные замыслы, и нельзя сказать съ г. Прохаской, что Витовтъ избѣгалъ и мысли объ отдѣльности Литвы.

Въ виду всего сказаннаго взглядъ г. Прохаски на отношенія Витовта въ Польшѣ слѣдуетъ, кажется, объяснять увлеченіемъ любимымъ героемъ, отъ котораго однако послѣдній не выиграетъ, а потеряетъ во мнѣніи читателей, какъ скоро они признаютъ Витовта приверженцемъ польской политики, вполне покорявшимся ея планамъ, пока не было раздражено его самолюбіе.

Н. Дашкевичъ.